

Рига многолика. Её контур меняется непрерывно, словно кардиограмма страстно живущего человека. Человека, живущего с прикидкой на вечность. Но есть и незыблемые, эмблемные вещи. Большинству знаком открыточный вид на Старый Город со стороны Кипсалы. Доминанты трёх шпилей: Домского собора, церкви святого Петра, собора Святого Иакова, и башни Рижского – президентского – замка.

В течение столетий пламя нередко взлетало над крышами, но Рига переживала любые пожары. Как рукопись, которая не горит. У каждого места есть *genius loci* – добрый гений, дух-покровитель. Мне думается, что у Риги – это бессмертная Евтерпа, муза поэзии. Кто побывал здесь, непременно мечтает сюда вернуться. На дне городского канала и парковых фонтанов мерцают монетки искренних желаний встретиться с Ригой вновь.

Всё, что вы прочитаете далее, будет мнением, искренним впечатлением человека, который несколько десятков лет назад, ещё подростком, впервые осознанно остановился у часов «Лайма» – традиционного места встреч в самом центре латвийской столицы, – лишь начиная задумываться о поэзии всерьез.

Порой время начинает истаивать, как карамельный петушок в ладонке сосредоточенного мальчугана, испаряться, как бальзам из чашки кофе, и тогда поэты выходят из боковых улочек на площади и находят слова, выманивая силуэты, жесты, звуки, дыхания эпох, которые затаились в складках и трещинках фронтонов и брандмауэров,

вместяной музыке водосточных труб, в тревожных дуплах вековых деревьев...

Поэзия – это всегда диалог с культурой, средство и способ преодолеть экзистенциальное одиночество. Или утвердиться в нём?..

В жизни **Людмилы Азаровой** оказались значимыми числа, которые делились на 11. Кто знает, тайна ли какая-то это была или просто математический присмотр небес... Она пришла в этот мир 11 апреля и покинула его 22 мая в возрасте 77 лет. Главной из стихий, которые определяли её жизнь, стали языки: русский и латышский, язык поэзии и власти, язык птиц, зверей и ветра.

Людмила родилась в Москве 11 апреля 1935 г., в доме на Софийской набережной, в семье инженера и учительницы латышского языка. Стоит заметить, что она никогда не вспоминала о Москве, как о цитадели «империи зла». Ей всегда был близок и дорог этот город, где под мостами о камни плескалась вода, где зимой она каталась на санках с прибрежной горки, а весной собирала одуванчики. В 1945 г. семья Людмилы переехала в Латвию. И началась совсем другая история.

Поэзия настигла её звоном и дребезгом трамваев, которые проносились по улицам её детства, поднимая тучи пыли летом и взвивая гирлянды осенних листьев, что слетали с огромных лип. Она рассказывала мне, как ещё детьми они пробирались играть в развалинах собора Святого Петра, в который бомба попала 29 июня 1941 г. Послевоенные игры в реальных руинах...

Тогда, ещё не предошущая, что она – поэт, хотя, смущаясь и восхищаясь, понимала, что уже приникает к жизни этого города кожей, безотчётно чувствовала, что сама она становится неотъемлемой частью его бытия. Бытия целой маленькой страны, которая тогда была ещё республикой в составе... *«Жизнь в краю подзола и песка – / на запястье тоненькая вена. / Сумрачно, серебряно, смиренно / Северное солнце у виска».*

Рига – копилка времён. Войдёшь в собор и, если затаить дыхание и сощуриться, можно увидеть, как в тишине, в свете витражных окон, тончайшими золотыми пылинками из-под куполов на молящихся и праздных незаметно и волшебным осыпается время...

Уезжая на Видземское взморье, Людмила собирала в прибое камешки латышских слов, на Рождество, в декабре, она плавил олово в старинной ложке – есть такая традиция: гадать на олове – и в контурах тусклых капель складывались слова, которые в составлялись в строки. *«Иноязычная сладость. Вязь звукового герба...».*

Людмила привела к русскому читателю многих латышских поэтов. Здесь хочется сказать о двух поэмах знаменитого латышского поэта Иманта Зиедониса – «Поэма о хлебе» и «Поэма о молоке».

Критики (П. Зирнитис) потом отменяют: «Всё сделано изящно, тонко, и очень точно. Слово в слово, запятая в запятую. Никаких отступлений ни от образов авторских, ни от авторской мысли, ни от ритма и рифмы. В этот перевод Людмила Азарова вложила столько своего таланта, своего ума, своего сердца, всё так хорошо звучит по-русски, будто это – язык оригинала». И конечно же, она переводила стихи мужа, ярчайшего латышского поэта XX века Ояре Вацетисе (1933-1983). Однажды она сказала: «Мы могли не встретиться. Другая улица. Другой город. Родители что-то решили бы по-другому. Но теперь я знаю, иначе и быть не могло». «Какая высокая духовность! Роскошная интеллигентность... Люда – катализатор. Она и только она сделала из меня поэта». Так скажет Ояр – народный поэт Латвии.

Она купалась в заводях языков, чтоб *«друзьям и врагам на забаву // славянскую терпкую речь // в латышскую править оправу»*. Одна из её книг назвалась «Сильный латышский акцент». Это были русские стихи о латышском языке, маленький сборник. «Брошюрка», – улыбнулся Ояр. И хотя ни критики, ни московская рецензентша не нашли серьезных аргументов, чтобы запретить книгу, рукопись три года скиталась по коридорам власти. Однако Людмила не сдавалась и не изменила ни слова. Энергия сопротивления взяла верх – сборник был напечатан в 1974 г. *«...Потом за латышскою речью // как в сказке, пошла за клубком // в легенды, в глаза человечьи, // в озера, в березы...»*.

Немало лет (1974-1990) Людмила Азарова работала редактором в единственном в Риге литературном издательстве «Лиесма» (в переводе на русский – «Пламя»), естественно, а как же иначе?), которое, понятное дело, находилось под хорошим контролем. С приходом независимости пламя залили водой.

В последние годы жизни судьба забросила её в пригород Риги, на Бычий остров (Буллю), где она жила почти что на берегу моря. Уже в двухтысячные она как-то говорила мне: «Знаешь, сижу я на своем пятом этаже, (замечу в скобках – офицеру высшего ордена Латвии уже в серьезном возрасте выделили квартиру далеко от центра Риги, а общем, на выселках, на пятом этаже без лифта) смотрю в окно и вижу море... Дует ветер, особенно сильный осенью, но мигает маяк, и мне так радостно, что корабли знают, куда идти...».

Она осталась маяком, на который неизменно могут идти поэтические корабли. Когда-то она ошеломила строфой: *«Бродить лугами просто так, / в гербарий – альфа и омега, / найти растение пастернак. / И задохнуться, как от бега»*.

Людмила, а ведь мы – по-прежнему *«дети дождя. И живём в ожиданье дождя»*.

Жалость в том, что метрополия никогда серьезно не относилась к соотечественникам, для метрополии – всё, что не она сама, немедленно

переводится в разряд провинции. Печально, что в статьях, перечнях, где званных и подсуетившихся пруд пруди, а вот избранных – наперечёт, избранницу Людмилу Азарову упоминают нечасто.

Когда же пришло неизбежное время прощания, она ушла в небо тропею молний, чтобы остаться в этом городе – снежной ли замятью черёмух, песней ли джинсового уличного гитариста у крепостной стены, латунно-вознесенским ли дубовым листком, упавшим в книгу стихов, чтобы стать закладкой, законным ли снегирем с малиновой, как яблочный бочок, грудкой, бликом ли зеркала в старом замке... Тревожным ноктюрном дождя, штрихом ласточки в лавандовом сумраке, негромкой прямой речью ручья на Бастионной горке...

Её стихи трудно найти в интернете. Это был ещё двадцатый, аналоговый век. Разве что публикация в «Крещатике»: <https://www.kreschatik.kiev.ua/72/14.htm>, да ещё в «Рижском альманахе» (№ 8, 2012): http://www.lork.lv/images/Publikaciji/RA/RA_Nr03.pdf. Однако сборники стихов Людмилы Азаровой, изданные в Риге – «Мост» (1961), «Любопытство» (1966), «Сильный латышский акцент» (1974), «Стихи о травах, зверях, птицах» (1980), «Остров» (1985) – есть в библиотеках. К поэзии можно прикоснуться зрачками и кончиками пальцев.

Она осталась поэзией в Городе поэзии. Навсегда.

Олег Золотов (1963-2006). Родился в Риге. Печатался в рижских журналах и альманахах «Родник», «Даугава», «Орбита» и др., «Антологии русского верлибра», альманахе «Улов». Первая книга («18 октября». Рига: Pop-front, 2006) вышла за месяц до смерти автора.

С Олегом мы немного встречались в середине восьмидесятых на заседаниях студии молодых авторов при Союзе писателей Латвии. *«дом выстужен, но всё не разойтись / гостям моим / спросить огня и перьев / у тонких роц похолодевших птиц / я Рим поджжёт / а город так неспешен...»*.

Его отстранённый, нездешний вид, хроническая погруженность в себя не сильно располагали к общению, потому что, казалось, его постоянно отвлекали, сбивали, тревожили лексические мелодии, строки, образы, блуждавшие в сознании. Он умел смотреть сквозь. Отвечал сбивчиво, уклончиво, словно отмахиваясь, стараясь не упустить то, что звучало внутри. Практически всегда – у меня, по крайней мере, – возникало ощущение, что он сам нуждается в помощи, поддержке, понимании. Хотя помощь и поддержку он принял бы не от каждого. В нём поэзия жила, как неизлечимая «высокая болезнь». А всё остальное, что прилагается к пакету признаков, входящих в понятие «нормальная жизнь»: причёска, прикид, пристанище, профессия и прочие причиндалы и прибабасы – было для него второстепенным,

малозначимым, эфемерно-исчезающим: «брошенный даже ленивой пехотой когда я ремесленник, мне не нужно // заботиться ни о куске хлеба, ни о ночлеге, // когда я поэт, мне не нужно думать ни о том, ни о другом...».

Он вошёл в поэтическую Ригу восьмидесятых неторопливой походкой, как странник, дервиш, выдыхая свои элегические тексты, исполненные особенной, почти незнакомой нам, тогдашним его современникам, какой-то будущей (для нас), но уже обрётённой им самим свободы, когда всё объемлющая и окружающая каждого и всех вместе вселенная каким-то невероятным образом умещается в душе и сознании одного конкретного акына и поглядывает оттуда сквозь прищуренные глаза.

Золотов, казалось, был осколком кометы метареалистов, который летел по своей особенной траектории, создавая стихи, ощутимо выходящие за пределы текстов предыдущей эпохи, летел, сминая нормы и расширяя области действия правил, одним словом, выходил в открытый космос.

сегодня я играл, я на серой бессоннице сумерек
растопыривши пальцы, играл эту сказку зеленых сигар,
что по стенам метелью рисуют зажжённые улицы,
я больничный ребенок
я в фольге шоколадной цыган
карнавальный...
играл одинокими тонкими тропами
сквозь волнуемый вьюгою город, и – о небеса -
сквозь ресницы твои в темноте поцелуя атропина,
сквозь ресницы твои, сквозь волнуемый город – писать...

Вот что писал об Олеге Золотове известный писатель, тоже из рижан, Андрей Левкин: «А ещё всегда начинаются выяснения – какой он поэт? (...) просто вот такая работа: помещать в слова то, чего на свете еще не было. Или же есть, но никто другой не видит. (...) Да, обязательно ещё положено говорить о сравнительных степенях, был ли он талантливый или известный, а то и наоборот, вот место в русской поэзии – есть ли у него, нет? Есть у него место в русской поэзии, как же без этого – только его».

не сбьлись и приметы смерти – здесь жизнь
сама у себя крадет таблички, где поверх чертежей или напротив
разметок – предостережение вроде: есть кое-что дальше колена и локтя –
а что именно – забылось;

Многим запомнилось и оттиском в памяти века осталось стихотворение «к Гондельману» (кстати, Григорий Гондельман –

реальной персонаж, рижский поэт), написанное в 1989 г. и разобранное поклонниками поэзии Олега Золотова, как говорится, на цитаты, но ставшее, в некотором смысле, и документом эпохи.

Веришь ли, Гондельман, страшно и мне бывает:
Ну, как проснешься утром – и ни райкома тебе, ни горкома?!
Волосы дыбом становятся от подобных мыслей.

(...) Даже и нам, Гондельман, приходится лгать и лукавить,
Что ж говорить о тех, кто ни совести не имеет, ни чести.

(...) Нельзя, Гондельман, размениваться на строчки в газетах,
Нужно высокое званье поэта нести достойно.
И не зависть во мне говорит, и не ревность вовсе.

(...) Понял я, наконец, Гондельман, в чем дело:
Надо мне, чтоб меня любили,
Хотя бы несколько минут в день, несколько дней в неделю.
Наверное, того ж, Гондельман, и тебе надо.

Олег был каминных дел мастером, в этом изгибе судьбы тоже есть что-то символическое: когда он не писал стихи, он складывал каминны, чтобы в дома приходило тепло, он умел жить надеждой, что *«...Господь не оставит едой и питьём, и одеждой, / и жуков, и букашек, и палочки-листья снесёт / к остывающей лампе, жестяной коробке из детства, / где стекляшки и бисер, где всё мандаринами, всё...»*.

В Интернете есть подборки стихов Золотова: в архиве проекта «Орбита»: <http://archive.orbita.lv/publications/1031>, на портале Стихи.ру: <https://stihi.ru/2010/11/11/2432>

Читатель может язвительно поинтересоваться – а с чего это автор начал с таких подробных флэшбэков? К чему о прошлом? Поясняю: оба поэта, с которыми я прежде всего решил познакомить читающую публику, являются и современниками, и ориентирами для литераторов, активно работающих сейчас в русской поэзии Латвии, в частности, для созданной в 2011 г. в Риге «Балтийской Гильдии поэтов», о которой, точнее, о поэтах которой, в основном, пойдет речь далее.

Поэты Гильдии преимущественно следуют знакомой тропой классической русской просодии, сохраняя верность, по большей части, силлабо-тоническому рифмованному стиху. Впрочем, в активе каждого из поэтов Гильдии – разнообразный поэтический инструментарий. И нет непримиримого спора с верлибром. К чему? Это наивно – как спорить: чай или кофе... Главное – лирика, которая остаётся инструментом исследования и глобальных вопросов мироздания, и

индивидуальной человеческой природы, места человека в стремительно меняющейся, всё чаще рождающей чудовищ реальности.

Произошла ли литературная бифуркация в 1991 г., когда Латвия обрела независимость? Думается, нет. Мне видится, что это случилось раньше, скажем, в семидесятые. Когда Латвия проходила по разряду советской провинции, пусть и самой близкой к Западу, пусть и кинематографической заграницей, но всё-таки провинцией, которая всегда шла своим путем. Ежесекундное присутствие латышской поэтики, копившегося столетиями фольклора во всём вокруг: в небе понедельника или четверга, в ветре, что запутался в тростнике, в предупреждающем вскрике сойки – влияло на состав воздуха, который вдыхали поэты, и это влияние оказалось сильным и полезным... А сейчас это уже сложившийся факт: она, в известном смысле, эндемична – латвийская русская поэзия. И не претендует на снисходительность культурных центров метрополии, поглощённых собственными селфи.

Кстати, Балтийская Гильдия поэтов реализовала объёмный проект «200 лет русской поэзии в Латвии». Двенадцать литературно-музыкальных вечеров... Исторические и пространственные координаты Латвии аукают, окликают... Ирина Одоевцева родилась в Риге, Иван Крылов служил в Риге, Кюхельбекер был узником Динабургской (Даугавпилсской) крепости, Осип Мандельштам детство своё провел в Латгалии, Игорь Северянин часто выступал с вечерами поэт, Марина Цветаева на пути в Берлин пробыла в Риге всего несколько часов, но прикоснулась к ней 12 мая 1922 г., мать Мария (Скобцова) – Елизавета Кузьмина-Караваева – рижанка, у Игоря Чиннова рижские корни, Нина Берберова и Владислав Ходасевич, между прочим, покинули Россию по командировке в Ригу, подписанной Анатолием Луначарским... Имена, судьбы, стихи.

Рига – как ворожея, таясь в купах плакучих ив, варит своё колдовское зелье из разных языков и культур, которые пришли сюда по воле Клио, чтобы навечно остаться у замковых стен на берегу извилистого канала, на берегу реки...

К тем, кто умеет вслушиваться, к тем, кто восторженно скитается «в узких улочках Риги», «поступь гулких столетий» – из знаменитого хита «Ноктюрн» Александра Кублинского – приходит, мешая века и эпохи, то трогательной мелодией латышской кокле с ярмарки на Домской площади, то польской мазуркой из танцевальной залы особняка, то чётким немецким голосом гувернантки с Бастионной горки, то цокотом копыт из арки Шведских ворот, то жестоким русским романсом из ресторанного чада, то жужжанием пчёл, слетевшихся к лавке травницы на средневековой Эспланаде в праздник урожая...

В шестидесятые годы прошлого века в Риге появился неудержимый поэт **Владлен Дозорцев**. Укротитель мотоцикла, он наматывал на колёса километры улиц, сшивая городские кварталы крепкой ниткой скорости в стремительную киноленту своих стихотворений... Вот названия его сборников тех лет – «Автострада», «Гон», «Печаль свободного полёта»...

Впрочем, случалось, что он переходил на шаг. Ракурсы Риги – всегда – причина поэзии: *«Тогда я говорю: назад. // В себя. Вдоль Домского. Обратно. // Конюшня. Биржевой фасад. // Три дома с вывеской «Три брата». // Тот замок, где скучала Керн...»*

Потом поэт успешно переключился на прозу и драматургию. В 1985 г. Дозорцев написал пьесу «Последний посетитель», которая имела ошеломительный успех – поставлена в 130 театрах СССР и во многих странах. Одним из первых Георгий Товстоногов поставил пьесу в Ленинградском БДТ. В интернете есть аудиоверсия спектакля театра им. Моссовета, где заняты знаменитые Ростислав Плятт и Георгий Жженов: <http://www.staroradio.ru/audio/9951>.

В 1988 г. Владлен Дозорцев стал главным редактором литературного журнала «Даугава», тираж которого в один их периодов превысил 100 000 экземпляров (в Википедии пишут про всего какие-то 16 тысяч, но это неправда).

В 1991 г. Дозорцев сменил редакторские заботы на будни политика: к тому времени он уже пару лет активно действовал на политической сцене Латвии – будучи депутатом Верховного Совета Латвийской республики, проголосовал за восстановление независимости, впоследствии стал депутатом Сейма... *«Он ведает, куда ведёт // по водам и дорогам. // Но ничего не знает тот, // кого назвали богом».*

В двухтысячные, отмерив многие тысячи километров в этой разной сумбурной жизни, Дозорцев вернулся в Город своей поэзии – хотя и не покидал Ригу надолго, всегда возвращаясь сюда из своих странствий, – и уже, оставив своего бензинового коня в стойле и сменив мостовую на тротуар, идёт теперь крепкой размеренной походкой каменщика, мастера, знающего, как основательно и надёжно укладывать камни – слова – в стену здания, чтобы она стояла века, идёт вдоль старых – с возвращёнными именами – улиц, рассматривая лица старых – но прошедших пластическую хирургию реставрации – домов, словно узнавая по-новому те – смазанные скоростями юности – кадры, чтобы вернуться в это странное время и снова рвануть вперед...

Названия сборников изменились: «Двухтысячный год», «В ожидании Суда» (2007), «Персональный код» (2011), который получил в 2012 г. латвийскую премию «Признание». И стихотворения стали более упругими, в то же время обрета большую четкость контуров,

экспрессивность подтверждалась уверенностью и адекватностью избранных поэтических средств.

В 2016 г. Владлен созвал всех на презентацию – книгой «Остальное сжечь» («Избранная лирика») он попытался подвести некие итоги, отобрав самые, на его взгляд, стоящие стихи, которые исполнены и «ума холодных наблюдений», и «сердца горестных замет», – и издал, предложив всё оставшееся за рамками книги – сжечь. Жёстко, резко, категорично, но в этом весь Дозорцев: всегда – человек действия, поступка, результата.

Я не умею жить один. С приходом ночи
Меня смущает скрип в небесном колесе.
Но если не постичь науку одиночеств,
То как нам уходить, куда уходят все?

(...) Наука отвыкать тем тяжелей, чем ближе
Тот возраст, за каким забвенье на кону.
Лишь потому никто полковнику не пишет,
Что всё-таки он сам не пишет никому.

И если почтальон заедет ненароком
В твой одинокий дом в прибрежной полосе,
Оставь ему листок, приключенный к воротам,
О том, что все ушли, куда уходят все.

Страница Владлена Дозорцева в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/authors/d/vladlen-dozorczev> Стихи на сайте «Поэзия.ру»: <https://poezia.ru/authors/vdozor>

Поодаль от шума центральных улиц, вдоль прихотливых извивов акварельных улочек Пардаугавы (Задвинье – левобережная часть города), *«где гамак предвечернего света // провисает меж тонких стволов»*, уже много лет ходит невысокая хрупкая **Вера Панченко** – поэт с прозрачными очами, которая пытливо и дальнозорко всматривается в долговязое, как стебли подсолнуха, будущее. *«Уходит время в глиняную толщу, // И ценности меняются в цене»*.

Она пытается уловить прорицания этого настоящего настоящего времени, разобрать его новый странный язык, его нервную, изломанную, как брейк-данс, философию. С силою и наивностью вечного неопита ища в ворохе сирени цветочек с пятью лепестками, В. Панченко верит в то, что этот спесивый и уставший от стёба над самим собою мир еще можно спасти... *«Поэты – рассыльные счастья, // Хотя у самих его нет»*.

Вера долгие годы служила литературным консультантом при Союзе писателей Латвии и немало сделала для становления

начинающих авторов. Поэтому многие любя называют её «матриархом» латвийской русской поэзии.

В её стихах – всегда – жизнь. А жизнь – всегда – свет. Свет неба, свет свечи, свет окна... Вера Панченко озабочена тем, чтобы свет не угасал. Пространство её поэзии организовано строго, лапидарно, в нём есть что-то от классической завершённости дорического ордера или вдумчивой нюансировки сада в версальском стиле. Слова высажены точно, с паузами и промежутками, которым должно быть заполненными светом.

Уже в XXI в. Вера Панченко продолжает исповедальную традицию поэзии, размышляет о грядущем, ищет в разорванном мире ещё сохранившиеся нити, соединяющие опыт прошлого и амбиции будущего. Об этом её сборники «Из паузы дня», «Зов», «По замыслу доветхого завета».

В 2017 г. вышла очень важная для творчества Веры Панченко книга – «Весло», которую составили семь неизданных поэтических сборников, что были написаны за двадцать лет – в период с 1985 по 2005 год: «Ковшик», «Тавро», «Становье», «Весло», «Каменья дней», «Не расцветай, бутон печали», «Тропинка взгляда»... Так сложились обстоятельства и события в тот непростой исторический период.

Она любовно вкладывает в строки своих стихов слова, которые заставляют остановиться: плавь, дерть, сулея, комонь – и задуматься, о том, насколько богат русский язык и какую малую толику его мы слышим в людском потоке вдоль улиц или в балагане ток-шоу с экранов телевизоров.

«Слова... питать достоинством души», как пишет поэт в одном из своих стихотворений, – едва ли не высший критерий, который непременно должен присутствовать в творчестве. Критерий, которым – да и, будем честны, не им одним – нынче всё чаще пренебрегают за ненадобностью. В одной из своих книг поэт написала: *«А душа – это знак водяной, / Проявляется с помощью света».*

В поэзии Веры Панченко немало водяных знаков.

В семидесятые в Риге своими стихами зазвучал **Николай Гуданец**. И Город, опознав своего по лишь ему ведомым интонациям и движениям, открылся поэту по-новому. Город рассказал ему свои мифы, провёл неожиданными маршрутами, показал фасады и дворы.

Поэт Гуданец продолжил интонацию, ярко зазвучавшую в шестидесятые. Яркая образность, метафоричность, экспрессия сразу выдвинули его в число молодых лидеров. В дальнейшем он много лет руководил студией молодых писателей при Союзе писателей Латвии. Свою первую книгу «Автобиография» Н. Гуданец выпустил в 1980 г. За ней последовали «Голубиная книга» (1986), «Крылья тьмы» (1993), а

также сборники рассказов «Субботные поцелуи» (1984) и повестей «Покинутые во Вселенной», романы «Полигон», «Нарушитель», «Главкомандующий», «Заложники», «По дороге в осень».

В 2002 г. Гуданец начал преподавать в Институте транспорта и связи как специалист по работе компьютерных сетей. Он является сертифицированным профессионалом Microsoft, вступил в члены Международной ассоциации независимых экспертов.

«Сцепленье предмета и взгляда» – сборник его лучших стихотворений, написанных с 1980 по 2016 гг. *«Ночная громада лохматого сада / упрямо пыталась взлететь в никуда, / сквозь тысячелетья сияла звезда, / а сад закипал, подминая ограду, / и мехом кузнечным вздымался и падал. / Мятущийся, вздыбленный мир – как узда, / держало сцепленье предмета и взгляда».*

Николай умеет прислушаться к жизни, звучащей из приоткрытых окон и склонившейся с кованых балконных перил, ищет отражения синего неба в одуванчиковых лужах на газонах, замирает, ошеломленный вспыхнувшей радугой поцелуя или шершавым сполохом боли...

Авторский сайт Н. Гуданца – <http://good.mirmuz.com/>. Его выступление в Малом зале театра «ОСА» (Рига) 12 апреля 2016 г.: <http://stihi.lv/corruption/32888-nik-gudanec.html>. Презентация книги Н. Гуданца «Сцепленье предмета и взгляда» (Рига, 2016.05.28): <https://www.youtube.com/watch?v=kDwQFS8147g> Страница в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/authors/g/nikolaj-gudanecz>.

Всё о Риге да о Риге... Да, так сложилось, что главные силы всё-таки здесь. И тем не менее – в латвийской поэзии ещё есть и неповторимая **Фаина Осина**, организатор и душа многих Дней поэзии в Даугавпилсе, неизменный редактор ежегодного поэтического альманаха латгальских поэтов «Dzejas dienas» («Дни поэзии»), который в этом году вышел в 31-й (sic!) раз. Фаина Осина – автор 10 поэтических книг.

Несколько лет назад мне довелось присутствовать на юбилее поэта. Получился впечатляюще масштабный праздник с участием городских властей, актёров и коллег. Это было неожиданно и чрезвычайно приятно – до этого события было трудно даже вообразить, что в наше время поэзия – и Поэт – могут привлечь столь широкое внимание.

В стихах Фаины Осинной философия зачастую сплавлена с иронией, а история, которую теперь принято всё чаще принудительно отправлять в пенитенциарную зону примечаний, нередко совершает отчаянный побег оттуда и занимает своё равноправное место в поэтических строках. *«Стихи начинаются с возгласа – Боже! /*

Молитва – с мучительного «прости». / Старость – с открытия: всё моложе. / День – с неизбежного: встать и идти».

У Риги есть свой менестрель. Вопреки средневековой традиции, когда миннезингерами, вагантами, шпильманами, трубадурами, рапсодами, труверами, скальдами выступали представители сильного пола, рижский менестрель воплотился в женщину-поэта, которая поет. **Евгения Ошуркова** родилась в Риге, закончила инженерно-экономический факультет Института гражданской авиации (РКИИГА).

Она идёт по переулкам, паркам, мимо судеб Города и людей, вдоль счастливых и болей, зачастую созвучных её собственным обстоятельствам, она идёт, слушая музыку, которая, отражаясь от стен домов или прилетая из туманного заречья, возникает в сердце.

Е. Ошуркова – автор двух книг стихов: «Вне сезона» (2012) и «Своя игра» (2014), нескольких дисков песен, лауреат многих конкурсов и фестивалей авторской песни. Стихи и песни о жизни и любви, о встречах и, конечно, расставаниях: время чревато утратами и потерями. Она идет, касаясь струн чуткой арфы дождя, она раздвигает струны ненастья, как стеклярус, и шагает дальше, унося с собой мелодию. *«И по указке неизвестной / Она сейчас пройдет туда, / Где тусклой лампочкой подъездной / Горит, горит ее звезда».*

И с каждым шагом на мелодию ложатся слова.

И тень, отдалённо напоминающая гитару в чехле, неотступно следует за нею... *«Когда я была молода, / Высокие были не в моде, / К тому ж я на шпильках тогда / Ходила при всякой погоде. // Опять же возьмём удобу: / В ходу были девушки в теле, / А тощих видали в гробу. / И вновь я была не при деле. // Эпоха любила бои, / Фанфары кругом не стихали, / И грустные песни мои / Отнюдь не считались стихами. // Вот так я всю жизнь прожила, / Тенденции опережая... // Но мода иная пришла – / И нынче для всех хороша я» («Селфи»).*

Далеко от Риги, у окна, глядя на цветущий февральский миндаль и подсвеченную его цветением Масличную гору, виднеющуюся вдали, при свете одинокой лампы над новой строкой размышляет поэт **Владимир Френкель** – разумеется, рижанин (родившийся в Горьком, ныне – Нижний Новгород), вынужденно покинувший свой город в 1987 г., причисленный к диссидентам, отсидевший, а потом реабилитированный, хотя, какой он, к бесу, был диссидент! – это интерпретаторы постарались! – и видит Ригу своей молодости: шпили, контуры соборов, похожие на виолончели, и шахматные фигуры башен, которыми время разыгрывает свои гамбиты, и неиссякающий маяк, который вечно светит ему, в любую песчаную бурю, в любой темноте цвета написанных нот. *«Я распрощался с Городом, но уж чего не ждал*

– / Город поплыл за мною, хоть я его и не звал, / Брошенный виден берег и вдалеке причал».

Он пишет «простыми», каждому – любому! – читателю понятными словами. Но ведь, согласитесь, истине и не нужны сложные вербальные конструкции. Он беспристрастен, точнее – пристрастен в своей беспристрастности, он видит картину реального мира в точных деталях, которые важны и значимы не только для него, он знает цену подлинности, к которой он устремлен в своей поэзии. *«А там, на западе, меркнет свет, / который сводил с ума. / Как хищник лапами, следом в след, / приходит с востока тьма».*

И ещё – у Владимира Френкеля есть ключ, который открывает дверь, куда можно пригласить читателя, чтобы хотя бы на время чтения текста, на время послевкусия он, читатель, смог прикоснуться к бесконечности. *«А наше время вечно живо, / пока мы живы – повтори».*

Помните, про экзистенциальное одиночество? Это, в частности, про В. Френкеля, ведь ещё в 1974-м он написал: *«Мы – двое, нет, верней, одни / ещё верней – один».* Однако в его стихах нет ни чуточки популярного ныне нытья, зато есть мудрое и неветшающее приглашение к прогулке в пейзаже, что открывается в перспективу вечности. И прогулка эта сопровождается неспешной задушевной беседой, которая неизменно приправлена доброй иронией.

На его столе лежит ворох партитур, вспоминается столько пережитого, прожитого, столько счастья, ведь это юность была, и столько причиненной боли, потому что было такое время. *«Умереть в Иерусалиме / Проще, чем прожить. / Повторять Господне имя, / Обо всём забыть».*

Всё проходит, было начертано на кольце Соломона. Но Рига остаётся. И рижане везде остаются рижанами. Навсегда... *«Видно, я с годами всё моложе, / вот и до небес недалеко».*

Страница Владимира Френкеля на портале «Мир Муз»: <http://mirmuz.com/vlad1944> Его страница на портале «Мегалит»: https://www.promegalit.ru/izrail/personals/835_frenkel_vladimir.html

Изучая прожилки мрамора, блики витражей, по черепашьям спинам мостовых ступает **Милена Макарова**, пишущая новую мифологию этого древнего и всегда в чём-то юного Города, жрица ямбов и анапестов, пристально вопросительный взор которой часто снимает покровы с мистерий, остающихся сокрытыми для других. И словари вечности распахиваются ей навстречу, и каменные львы послушно прыгают сквозь горящие обручи её стихотворений, и скомканые тайны размыкают скорлупки, отдавая сердцевину умело расколотого волошского ореха...

«Каждой твари по паре» – мне говорит Зазеркалье.
Бесконечное «Я» собирает толпу отражений.
И незримый ковчег, что плывет в зазеркальные дали
Подбирает меня и со мной продолжает движение.

Только небо, и ночь, и цитата из позднего Канта.
Только жизнь – беззвездна и нет в ней святого закона.
А незримый ковчег говорит на своем эсперанто.
Вот и райская птица уже понимает дракона...

В начале 2021 г. в питерском издательстве «Алетейя» вышла новая книга Милены Макаровой «Новая мифология». С моей развернутой рецензией-эссе «Сердце приморской сивиллы» можно познакомиться в новом номере (№ 4, 2021) журнала: «Крещатик»: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2021/4/serdcze-primorskoj-sivilly.html>

В Риге есть великий подвижник поэзии – поэт, журналист и педагог **Евгений Орлов**, который знает не понаслышке «Граматику слуха» (так называется одна из его книг). В 2012 г. он создал – в начале было слово, то есть стихотворение! – портал Stihi.lv – самостоятельный сайт конкурсной поэзии, пространство, открытое для любого автора, желающего поделиться своими новыми стихами в форме «конкурсного состязания», сайт с клубной атмосферой и «свободным микрофоном». Евгений всегда напоминает мне радушного хозяина, чей дом стоит на большаке поэзии. Он с неизменной улыбкой приветчает каждого, кто пришёл осознанно или забрёл случайно – заходи, хочешь кофе? По его инициативе на портале основаны издательские серии «Книжная полка поэта» и «Музыка слова». Издано уже несколько десятков книг. *«когда освободишься от любви / поэзия окажется ненужной / вот банка с одиночеством внутри / вот бабочка с усердием натужным / в неё переместится и умрёт / заполнив пустоту своею массой / и так легко что слов не достаёт / из некогда словарного запаса».*

В 2020 г. увидел свет сборник лирики Евгения Орлова «Эйяфьятлайокудль», который можно почитать здесь: <http://www.stihi.lv/prose/38995-jevgenij-orlov-ejaftlaiokudlj.html>

Стихи, которые пишет **Николай Романенко**, стихи, пронизанные тоской по уходящему времени добра и ясности, часто напоминают тревожный, щемящий крик улетающего журавлиного клина. Тем, в чьей эмоциональной памяти остались реалии XX века, кажется, что времена сострадания и милосердия канули в прошлое, что ушли в дымку лет времена, когда, скажем, дарили подарки, а не подарочные карты с социально согласованной суммой... Нет ничего плохого ни в

подарочной карте, ни в сумме, перечисленной на указанный счёт, просто стандарты меняются стремительнее, чем сердечные реакции. Душа не умеет переключаться, как триггер: единичка и вдруг – нолик. И в этом переходном состоянии, когда поэт ищет ответ на вопрос: что сулит подступающее завтра – обретение или потерю? – возникают пронзительные лирические строки: *«Так медленно сближаются планеты / В холодной тьме космической ночи... / В глухой тоске тебе кричу я: – Где ты? / И вдруг ты шепчешь: – Милый, не кричи, / Я – здесь, я рядом!.. Тонкое запястье, / Как белый лебедь, близится ко мне, / Плывёт по волосам... / И это счастье, / С бессмертием, возможно, наравне».*

Елена Копытова – талантливая поэтесса, которая очень часто гостит на пограничном полуостанке между двумя странами – Россией и Латвией. Крепко, умело сложенные, выстраданно выдохнутые стихи, а есть и просто пронзительные, зачастую окрашенные печалью, которая далеко не всегда светла, и очень хочется пожелать автору разглядеть свет в конце своего тоннеля. *«Это просто, казалось бы – будешь одним из многих. Всё, что было тобой, останется между строк. Но чужой язык приводит к чужой дороге, где чужому Богу внимает чужой Пророк».* Уже есть победы в конкурсах, есть премии, последняя книга Елены «Выдохи междометий» (2020) вобрала многое из написанного за две декады и убеждает в том, что впереди ещё много ярких, проникновенных стихотворений¹.

Петр Межиньш, почти 30 лет назад основавший Союз литераторов «Светочь», издатель одноименного поэтического альманаха и автор многих сборников стихов, сделал немало для становления молодых поэтов, которые пришли к Мастеру со своими первыми пробами пера. Стихи поэта выделяются яркими, внезапными сочетаниями образов, которые помогают задержаться на глубине лирического высказывания.

Ирина Зиновчик долго накапливала впечатления, переживания, радости и горести на флэшке судьбы, пока однажды overflow не привёл к тому, что она заговорила стихами... Ирина готовит первую книгу стихов, которая, несомненно, станет событием для любителей поэзии².

Александра Бандурина неторопливо и тщательно ищет поэтические образы в веренице похожих друг на друга дней, порой её дёргает за рукав рассудочность человека с техническим образованием, но тонкий слух и пристальное зрение помогают поэту дожидаться того мгновения, когда свет и тени пейзажа или души складываются в

¹ Елена Копытова – победитель IV (совместно с Тейт Эш) и V Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» (прим. редактора).

² Ирина Зиновчик входила в шорт-листы VI и IX Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» (прим. редактора).

неповторимую картину, чтобы остаться стихотворным оттиском.

Несомненно, нужно вспомнить настойчивость и постоянство **Павла Васкана**, предлагающего посмотреть на окружающий мир глазами компьютерного человека – порой погружённого в себя сисадмина, а иногда и азартного геймера, – и даже прогуляться в его декоративных верлибрелиях, но при этом «язык программирования» – русский и порой – даже опирается на рифму. С новой книгой Павла Васкана «Любя и радуясь» можно познакомиться на ресурсе «ЛитРес»: <https://www.litres.ru/pavel-voldemarovich-vaskan/lubya-i-raduyas/>

Сергей Воробьёв – человек, в своё время покоривший Антарктиду, пишет и прозу, и стихи. Цепкий взгляд не просто наблюдателя, а активного современника, поиск форм – у Воробьёва есть и книга философско-иронических микропоз «Заполнение чёрного квадрата», и сборник медитативно-дневниковой лирики «Все дороги ведут...» (2020), в которой без постмодернистского эпатажа автор фиксирует детали окружающей реальности, стремясь к подлинности и искренности своего обращения.

В Латвии есть очень интересная творческая группа – **текст-группа «Орбита»**, которую накануне миллениума основали пятеро поэтов: Сергей Тимофеев, Александр Заполь (Семён Ханин), Артур Пунте, Владимир Светлов и Жорж Уаллик. Вот что написал проживающий с 2014 г. в Латвии поэт и критик Дмитрий Кузьмин о группе «Орбита»: «...у них очень чётко выстроено двойное самоопределение: они в такой же мере часть всемирной русской литературы, в какой – часть латвийской и, шире, западноевропейской культуры, на каком бы языке она ни создавалась». Поэты работают, отдавая предпочтение формам свободного поэтического высказывания. Сергей Тимофеев говорит об этом так: «Этот неуловимый переход, когда обычная человеческая "не поэтическая" речь вдруг становится стихом. Вдруг начинает мерцать другими смыслами, вдруг становится объемной...».

Группа действует весьма обособленно, минимизируя контакты с остальным русскоязычным поэтическим пространством, подчёркнуто обозначая свою близость западноевропейскому мейнстриму, успешно сотрудничает с государственными институциями. В начале нулевых «орбитяне» были инициаторами фестиваля поэтического видео «Word in Motion». В 2020 г. в Рижском русском театре состоялась премьера спектакля на тексты «Орбиты» – «Пять песен по памяти». Это замечательно, что «Орбита» привела поэзию на сцену главного русского театра Латвии!

Группа постоянно ищет новые формы мультимедийных проектов: это и выступления вместе с музыкантами, и неожиданные

перформансы, и оригинальный дизайн изданий, и изыскания в области видеопэзии. Поэты «Орбиты» активно взаимодействуют с латышской поэзией: сами переводят с латышского, а их тексты публикуются в переводах на латышский.

Можно набрать в поисковике слова «Орбита (текст-группа)», и появится текст Википедии. Есть сайт <http://www.orbita.lv/>, на котором можно найти связанную с «Орбитой» информацию.

В Латвии поэзия на особом счету. Первый День поэзии прошел 11 сентября 1965 г. на Эспланаде, где был открыт памятник Райнису, латышскому поэту на все времена, в день его 100-летия. Впоследствии Союз писателей Латвии решил проводить Дни поэзии каждый год. Так возникла новая традиция – чтения стихов, встречи с поэтами обычно длятся до конца сентября.

В последние десять лет, теперь уже можно говорить – в доковидные времена – в Латвии проводились Дни русской культуры (ДРКЛ). Группа энтузиастов восстановила историческую традицию ещё первой Латвийской республики, возникшую в 1925 г. Непременным мероприятием Дней был международный поэтический фестиваль «Балтийская строфа» под патронажем Гильдии поэтов, к ДРКЛ выпускается ежегодный поэтический альманах «Письмена», авторами которого за 10 лет стали более 150 поэтов из 14 стран.

Затеян ли уже новый сценарий, вероятно, узнаем ещё не завтра.

А пока пишутся новые стихи, готовятся и выходят сборники, звучат в эфире презентации новых книг. Поэты, в силу возможностей, принимают участие в онлайн-встречах, организуют презентации для обладателей QR-кодов или едут на фестивали, куда условия позволяют добраться.

Поэзия продолжается!